

Человек и вещи. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Человек и вещи. Владимир Владимирович Набоков
1

Название моего доклада: "Человек и вещи" может, пожалуй, ввести вас в заблуждение. Вам может показаться, например, что, отдавая дань бесу обобщения, я разумею под словом "человек" какого-то сборного, чрезвычайно удобного homo sapiens'a - представителя человечества. Вы можете подумать, что для меня "вещь" какое-то определенное понятие, которым я собираюсь с философской легкостью жонглировать. Мало того, самое это слово "вещь" может вызвать в вашем представлении нечто домашнее, не очень ценное, нечто для удобства или украшения. Вспомним, кстати, того чеховского доктора из "Трех сестер", кажется, который, не зная, как определить подарок, который ему с гордостью показывали, повертел его в руках и пробормотал: "Хм, да... вещь..." Впрочем, эту вещь - каминные часы, кажется, он тут же по неловкости уронил, со звонкими последствиями.² Но и другую интонацию можно услышать в слове "вещь". Так, был у меня знакомый ювелир, в устах которого высшей похвалой браслету или ривьере³ было именно слово "вещь", произнесенное веско, крупным голосом, несколько раз сразу в такт почтительному движению ладони, на которой драгоценный предмет лежал. Наконец, еще одно кипроко⁴ может произвести заглавье моего доклада. Ибо не внушат ли иному уму слова "человек и вещи" образ человека в пивной, лакея, полового - а ведь через это и слово "вещи" вылупится из своего тумана, приняв образ тех вещей, за которые дирекция не отвечает.

Перечислив такие возможные недоразумения, я этим самым устраниваю их. Конечно, говоря "человек", я имею в виду только себя самого. Точно так же и вещи, о которых я буду говорить, не пройдут без именных ярлыков в туманах общего места. Ибо под словом "вещь" я разумею не только зубочистку, но и паровоз. Все, что сделано человеческими руками, - вещь. Это единственное общее определение, которое я себе позволю.

Вещь, сделанная кем-то вещь, сама по себе не существует. Портсигара, забытого на пляже, пролетающая чайка не отличит от камня, от песка, от лоскута водоросли, так как вещь в отсутствие человека возвращается тотчас в лоно природы. Ружье, лежащее в глуши тропической чащи, уже не вещь, а законная часть леса; сегодня уже по нему льется рыжий ручей муравьев, завтра оно заплесневеет, может быть, зацветет. Дом - просто каменная глыба, когда уходит человек. Уйди он на пятьсот лет, дом, как тихий, хитрый зверь, убегающий на волю, незаметно вернется в природу, и вот и вправду - просто куча камней. И, кстати, обратите внимание на то, с какой охотой и как ловко самая мелкая вещь норовит улизнуть от человека и как склонна она к самоубийству. Оброненная монета с поспешностью отчаянного беглеца описывает по полу широкую дугу и скрывается в самый далекий угол под самым далеким диваном. И не только нет предмета без человека, нет предмета без определенного отношения к нему со стороны человека. Это отношение зыбко. Беру для примера картину в раме, портрет женщины. Один смотрит и с холодным восхищением ценителя разбирает краски, светотени, фон. Другой, ремесленник, с каким-то сложным ощущением, в котором смешаны образы его ремесла - клей, аршин, лепная выделка, прочность дерева, позолота, - осматривает профессиональным взглядом раму. Третий - друг изображенной женщины обсуждает сходство или, на мгновение пронзенный одним из тех мелких воспоминаний, которые являются как бы уличными мальчишками памяти, совершенно ясно, хоть так мимолетно, видит и слышит, как входит вот эта женщина, кладет сумку и перчатки на стол и говорит: "Завтра уж последний сеанс, слава Богу. Глаза хорошо вышли". Наконец, четвертый смотрит на картину с мыслью, что сегодня дантист будет делать ему очень больно, так что затем, всякий раз, когда он эту картину увидит, он будет вспоминать жужжанье бормашины и то, как пахло у дантиста изо рта. Что же выходит? Нет одной вещи, - хотя математически вещь одна, - а четыре, пять, шесть, миллион вещей в зависимости от того, сколько людей смотрят на нее. Что мне до пары сапог, выставленной моим соседом за дверь? Умри мой сосед сегодня в ночь, и какой человеческой теплотой, какой жалостью, какой красотой живой и нежной будут веять на меня эти два старых, потрепанных сапога с торчащими ушками, оставшиеся стоять у двери. В моем столе, в помятом конверте, я нашел пять черноголовых спичек. Почему я положил их туда на сохранение, какое с ними связано воспоминание - забыл, забыл окончательно. Я еще буду хранить их некоторое время ради воспоминания, которое, я знаю, связано с ними, любя их какой-то вторичной любовью, - но потом я их выброшу: так мы изменяем вещам. На ярмарке, в

Человек и вещи. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru захолюстным городке, я выиграл, стреляя в цель, грошовую фарфоровую свинью. Я оставил ее на полке в гостинице, когда уезжал. Этим самым я обрек себя на воспоминание о ней. Я безнадежно влюблен в эту фарфоровую свинью. Меня раздражает нестерпимое, глуповатое умиление, когда я думаю о ней, выигранной, и неоцененной, и покинутой. С таким же чувством я смотрю иногда на какое-нибудь мелкое, незаметное украшение, на цветы обоев в темном углу коридора, которых, быть может, никто, кроме меня, не заметит. В чужом доме, на письменном столе я увидел в точь-точь такую же пепельницу, как на столе у меня, – и все-таки, эта – моя; та – чужая. Помню, мне было лет десять, умер от дифтерита дядя. В его комнатах производили дезинфекцию. Плохо, что ли, объяснили мне, что такое дезинфекция: я понял, что вот человек умер и теперь делают так, чтобы его вещи больше не были его, снимают с них ту пыль, тот запах, все то, что делало их именно его вещами.

Мне неприятно слышать, когда люди говорят о машинах: ах, наш механический век – ах, роботы – ах, то да се. Машины, инструменты всем нам служили. В этом смысле перочинный нож ничем не отличается от какой-нибудь сложнейшей фабричной машины. Дело в том, что и сложности тут никакой нет. Мы количество частей принимаем за сложность, а части сами по себе простые, и соединены они в конце концов – просто. Когда человек глядит на паровоз, то ему кажется невероятно хитрым его устройство, потому что он в своем представлении отделяет предмет от ума, затеявшего его. Ум хитер и сложен, находчивость человеческая удивительна, а самое же создание, конечно, – просто. Прелесть машин именно в том, что всякий смысленный, ухватистый человек может сотворить машину. Нет, мы недалеко ушли от наших предков. В пятом веке остроумный китаец выдумал подводную лодку. Монголы во время оно ошарашивали западных врагов ядовитыми газами. Читаю, например, объявление, что такая-то фирма изготавливает всяческие автоматические приборы для продажи товаров: дескать, последнее слово техники. Между тем, автоматические приборы были уже в употреблении в седой древности. Египетские жрецы посредством их играли на суеверии своего народа. Перед храмами Изиды стояли магические урны. Они снабжали верующих благословением богини в виде нескольких капель священной воды. Для этого нужно было только кинуть в щель урны пятидрахмовую монету, как это делает на подземном вокзале барышня, желающая получить коробочку миндаля. Оказывается: священный и бессмертный жест. Те египетские самодействующие урны несколько веков подряд давали прекрасные доходы жрецам – и, конечно, тайна их устройства охранялась строгими законами, даже угрозой смертной казни. Дело, вероятно, происходило так: брошенная монета попадала через проводную трубку на хорошо уравновешенное плечико рычага, от этого на мгновение открывался клапан на дне сосуда, наполненного водой, и по выводной трубке немного воды выливалось в чашку, подставленную легковерным, потеющим от удивления египтянином. А несколько столетий погодя в Древнем Риме на улицах и даже на больших дорогах существовала автоматическая продажа вина – такие же приборчики, как у нас. Поэтому римлянин, отлучаясь из дому, всегда брал с собой кубок для питья. Если б я был хорошим художником, я бы написал такую картину: Гораций, сующий монету в автомат.

Человек – подобие Божие, вещь – подобие человеческое. Человек, который делает вещь своим Богом, уподобляется ей. Тогда получается полный круг: вещь, Бог, человек, вещь, – а для ума прелесть полный круг. Автомат в некотором роде наиболее похож на человека. Его толкнешь – он отвечает. Ему лапку подмаслишь, он доставляет тебе приятность. Дашь ему плату, он выдает тебе товар. Но и во всякой другой вещи – я чувствую известное сходство с человеком. Подштанники на сушке при бодром ветре пускаются в идиотический, но вполне человеческий пляс. Чернильница на меня глядит одним черным глазом с блеском в зрачке. Часы, стоящие на без десяти два, напоминают лицо с усами Вильгельма5, часы, стоящие на двадцать минут восьмого, напоминают лицо с усами, опущенными вниз по-китайски. Между круглым стеклянным колпаком лампы и лысой головой мыслителя, налитой светящейся мыслью, есть успокоительное сходство. Словами, которые мы употребляем для именованья различных частей нашего тела, окрестили мы части вещей, орудий, машин, уменьшая эти существительные, как будто говорим о наших детях. "Зубчики, глазок, ушко, волосок, носик, ножка, спинка, ручка, головка". Я точно окружен маленькими уродцами, и уже кажется мне, что зубчики часов грызут время, что ушко иголки, воткнутой в занавеску, подслушивает, что носик чайника, с капелькой застывшей на кончике, сейчас хморкнет, как простуженный человек. А в предметах побольше, в домах, поездах, автомобилях, фабриках, человеческое нечто становится иногда поразительно неприятным. В шварц-вальдских деревнях есть насмешливые дома: оконце в крыше удлинено наподобие хитрого глаза. Чрезвычайно глазастые бывают и автомобили – благо мы даем им не три, не один, а именно два фонаря. Немудрено, что в наших сказках и на наших спиритических сеансах вещи и впрямь

Человек и вещи. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
оживают.

Я думаю, что, углубляя эти аналогии и входя, сознаюсь, в некоторый антропоморфический азарт, можно вещам придавать наши чувства. Так, в ленивом положении шерстяного платка, перекинутого через спинку стула, есть скука – ах, как скучает этот платок по чьим-нибудь плечам! Что-то бодрое, радостное и чистосердечное есть в открытой, совсем еще белой тетради. Карандаш по натуре мягче, добрее пера. Перо говорит, карандаш шепчет.

Наконец, есть и дети среди вещей. Это, конечно, игрушки. Они подражают взрослым вещам – и чем это подражание полнее, тем дороже они человеческому ребенку. Меня занимал в детстве вопрос: куда денутся мои игрушки, когда я подрасту? Я воображал огромный музей, куда собирают постепенно игрушки подрастающих детей. И часто теперь, входя в какой-нибудь музей древностей, где есть римские монеты, оружие, одежды, кольчуги, мне кажется, что я попал как раз в тот музей моей мечты.

Мы боимся, мы ни за что не хотим отпускать наши вещи обратно в природу, откуда вышли они. Мне почти физически больно расстаться со старыми штанами. Я храню письма, которые не перечту никогда. Вещь – подобие человеческого, и, чувствуя это подобие, нам нестерпимы ее смерть, ее уничтожение. Древние цари ложились в гроб с доспехами, с утварью, взяли бы с собой и свой дворец, если бы это было возможно. Флобер желал быть похороненным вместе со своей чернильницей. Но чернильнице было бы скучно без пера, перу без бумаги, бумаге без стола, столу без комнаты, комнате без дома, дому без города. И как ни старайся человек, истлевает он сам, истлевают и его вещи. И лучше, чем мумии лежать в расписном саркофаге, на музейном сквозняке, – приятнее и как-то честнее, – истлеть в земле, куда возвращаются в свой черед и игрушки, и линотипы, и зубочистки, и автомобили.

13-14. I. 28.

Ночью.

1 Berg Collection. New York Public Library. Box 1, folder 1.

2 Набоков не вполне точно вспоминает сцену из третьего действия "Трех сестер", когда пьяный Чебутыкин (напомним, что он действительно военный доктор) берет в руки фарфоровые часы, молча рассматривает их, а потом роняет и разбивает вдребезги. Кулыгин, подбирая осколки, корит его за то, что он разбил "такую дорогую вещь".

3 От фр. *riviere de diamants* – кольцо из оправленных бриллиантов.

4 От лат. словосочетания *qui pro quo*, произнесенного на французский лад, – недоразумение, путаница.

5 Имеется в виду Вильгельм II (1859–1941), германский император с 1888 по 1918 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!